

шениям, должен подразделяться на несколько глав, в которых бы определялись составы конституционных правонарушений в зависимости от их субъектного состава.

Итак, объективная сторона конституционных правонарушений может находить свое выражение в следующем: неисполнении субъектом конституционных обязанностей; недолжном исполнении конституционных обязанностей; прямом нарушении запретов; злоупотреблении полномочиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репетева О.Е. Семейные правонарушения и ответственность за их совершение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 4.

2. Липинский Д.А., Чуклова Е.В. Спорные вопросы процессуальных правонарушений // Научные исследования и разработки: Право. 2013. Т 1. № 2 (2).

3. Липинский Д.А., Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность. – М., 2013.

4. Ожегова Г.А. Объект правонарушения. – М., 2007.

5. Гогин А.А., Джалилов Э.А., Козлова Е.А. О признаках объекта авторского права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2.

6. Гогин А.А. Аксиологические проблемы правонарушений // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3.

7. Гогин А.А. Правонарушение как юридический факт, обуславливающий правоотношение юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2.

8. Гогин А.А. Правонарушение как конфликтное деяние // Вектор Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1.

9. Козлов Т.Л. О правовой природе и содержании коррупционного правонарушения // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 268-273.

10. Воротников А.А., Муругина В.В. К вопросу о разграничении категорий «дефектный юридический факт» и «правонарушение» // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 2. С. 43-48.

11. Ожегова Г.А. Объекты правонарушений: Дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2006. С. 69.

12. Станкин А.Н. К вопросу о значении закона для разрешения коллизий в праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (16).

13. Станкин А.Н. К вопросу о верховенстве закона как принципе законности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. (16).

14. Липинский Д.А. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 57.

TO THE QUESTION OF CONSTITUTIONAL VIOLATIONS

© 2014

Pyin A.A., post-graduate of the Department of theory of State and law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This paper examines characteristics of the objective side of the constitutional violations are reported to the lack of legal regulation in the sphere of its legalization.

Keywords: offense; the objective side of of constitutional violation; of an offense.

УДК 343.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: БЫЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ДУМЫ

© 2014

Корнуков В.М., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье освещаются вопросы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве под углом зрения его исторического развития. Особое внимание уделяется состоянию действующего уголовно-процессуального законодательства и практике его применения. Отмечаются положительные и негативные стороны указанных сфер государственной деятельности, высказываются соображения, направленные на их совершенствование.

Ключевые слова: обеспечение прав личности; уголовное судопроизводство; назначение уголовного судопроизводства, развитие процессуального законодательства; практика правоприменения.

Тема обеспечения прав личности для российского уголовного процесса, и как науки, и как практической деятельности, едва ли не самая актуальная. А может быть и самая актуальная, потому что уголовный процесс создан и существует для человека, для обеспечения его прав, свобод и законных интересов. Поэтому исследование любой проблемы, любого вопроса уголовно-процессуальной деятельности практически всегда выходит на проблему обеспечения прав личности. Что нашло отражение и в заявленных темах участников данной конференции. У нас есть возможность поговорить о широком круге вопросов, касающихся проблем уголовного судопроизводства.

Иногда спрашивают, для какого человека существует уголовный процесс: законопослушного или, наоборот, для нарушившего уголовный закон? Поскольку нарушителем в указанном смысле, с точки зрения широко декларируемой в теории и также широко попираемой на практике презумпции невиновности, человек признаётся после вступления в законную силу приговора суда, то надо признать, что уголовный процесс является достижением, придуманным для охраны и обеспечения прав и законных интересов всех людей. Вопрос, только в том - как и чьи конкретно права и интересы он охраняет и обеспечивает и от кого, от чьих посягательств? Если он защищает интересы будущих и уже состоявшихся жертв преступных посягательств, что вытекает из его сути, как способа реализации уголовно-правовых запретов, то понятно, - от преступников. Если - подозреваемого и обвиняемого, которых он сам и порождает, что следует из нынешней ст. 6 УПК РФ, то значит - от самого себя. Но тогда зачем людям нужен такой процесс? Им необходим уголовный процесс, выстроенный так, чтобы он защищал и обеспечивал права и законные интересы человека без причинения ему вреда собственной деятельностью.

Охрана от нарушения и обеспечение прав и законных интересов личности в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности это задача внутренней организации и регламентации уголовного процесса, её не надо смешивать (приравнивать, а порой и подменять ею) с задачами, определяющими социально-правовой аспект назначения уголовного процесса. Реабилитация представляет собой исправление ошибок, которые, безусловно, надо исправлять. Но это направление нельзя приравнивать или ставить в один ряд с защитой прав и интересов личности, государства и общества от посягательств преступных элементов.

Так может ли быть уголовный процесс, не нуждающийся или менее всего нуждающийся в раскаянии по отношению к правам личности? Попробуем порассуждать на эту тему путём обращения к истории и хотя бы кратко вспомним былое, охарактеризуем настоящее, а потом поделимся думами.

Все мероприятия, характеризующие судебную реформу 1864 года, (введение гласности, состязательности, обеспечение право на защиту и т.д.), были подчинены его очеловечиванию. Он был развёрнут к личности. Обвиняемый получил право на защиту, представление доказательств своей невиновности и отстаивание своей позиции. Он даже мог присутствовать при допросе свидетелей и задавать им вопросы. Потерпевший, не будучи обозначенным этим термином, тоже приобрёл существенные права. Подумать только, заявление всякого лица

о совершении в отношении него преступления, которое именовалось жалобой, являлось поводом и достаточным основанием для производства расследования указанных обстоятельств. Следователь при подаче такой жалобы не мог отказать в производстве расследования (ст. 303 Устава уголовного судопроизводства России 1864 года). Сопоставить не с чем, процентное соотношение заявлений потерпевших и всех обращений подобного рода в правоохранительные органы неизвестно. Но для наглядности нынешнего положения потерпевшего в рассматриваемом плане можно привести довольно впечатляющие цифры. По данным МВД России в 2012 году было зарегистрировано более 26 миллионов заявлений и сообщений о преступлениях. А возбуждено по ним было менее 2 миллионов уголовных дел [1]. В 2013 году поступило и было зарегистрировано 28,35 млн. заявлений и сообщений о преступлениях, возбуждено 1761,5 тысячи уголовных дел [2]. Каково? Можно представить сколько «плачущих» пострадавших остались наедине со своим горем. В то же время Устав уголовного судопроизводства, называя лиц, состоящих под следствием, обвиняемыми, предусматривая их допрос в этом качестве и применение к ним мер пресечения, не устанавливал необходимости предъявления им конкретной уголовно-правовой претензии, т.е. обвинения.

Все последующие нормативно-правовые акты (кодифицированные и некодифицированные), так или иначе, выстраивали уголовно-процессуальную деятельность, отталкиваясь от личности, и на основе принципиальных положений, касающихся её прав, свобод и законных интересов. Большевики на дух не воспринимали презумпцию невиновности, презрительно именуя её буржуазной конструкцией. Диктат публичного начала и задача защиты государства в первые и последующие годы советской власти задавили личность в уголовном процессе. Потерпевший был низведён к положению бесправного свидетеля, обвиняемый стал беззащитен и практически тоже бесправен. Многие, наверное, ещё помнят, что даже УПК РСФСР 1960 года, который был весьма неплохим актом, в первоначальной редакции допускал участие защитника в уголовном деле, по общему правилу, с момента окончания предварительного расследования и ознакомления обвиняемого с его материалами. Потерпевший только к концу действия указанного акта получил право на выступление в судебных прениях.

Движение в сторону существенного расширения прав участников уголовного судопроизводства, отстаивающих свои или представляемые интересы, началось в 70-80 годах прошлого столетия и не без активного участия науки уголовного процесса. К этому времени появились коллективные и индивидуальные работы о принципах уголовного судопроизводства [3]. Активно исследовались проблемы процессуального положения обвиняемого, подсудимого и потерпевшего [4]. В 1977 году появилась первая законодательная, конституционного уровня, запись о презумпции невиновности. Дальше этот процесс пошёл ещё активнее.

Современное законодательное оформление правового положения личности в уголовном судопроизводстве, безусловно, превосходит все предыдущие варианты. Оно не безукоризненно (об это чуть позже), но достаточно близко к тому, чтобы не только исключить произвол в отношении лиц, принимающих участие в уголовно-про-

цессуальной деятельности, но и обеспечить им возможность реальной защиты и отстаивания своих интересов.

Достаточно вспомнить всем известное содержание статей 2 и 18 Конституции РФ, которые при должном к ним отношении и их, если верить специалистам в области конституционного права, прямом действии, способны сами по себе обеспечить неукоснительное соблюдение прав и интересов всех субъектов уголовного судопроизводства. Принципы презумпции невиновности, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту по своему содержанию и форме отражения в законе превзошли всякие ожидания. Вряд ли даже самые последовательные сторонники презумпции невиновности могли предположить, что в Основном законе страны найдут отражение не только её суть, но и следствия. И потому очень грустно воспринимать не только саму практику поправки этого принципа, а даже слова об этом, которые всё чаще стали звучать на научных форумах. Чрезвычайно важную роль в обеспечении прав личности, при всех их издержках, играют состязательность уголовного судопроизводства, введение дифференцированных форм и, конечно, апелляции.

Однако лишённое восхищения, но все же позитивное восприятие законодательной регламентации правового положения участников уголовно-процессуальной деятельности сменяется крайней грустью при обращении к практике его применения. Даже Генеральный Прокурор РФ Юрий Чайка на одном из правительственных часов в Государственной Думе РФ буквально, если верить «РИА Новости» и Саратовской газете «Версия», заявил: «Люди годами сидят незаконно». По его словам, за последние три года более 14 тысяч человек были незаконно привлечены к уголовной ответственности, более 4,6 тысячи человек - незаконно арестованы и задержаны [5]. В 2013 году последних случаев было более тысячи, и никто предусмотренной за это законом ответственности не понёс [6]. В то же время, по данным Генеральной прокуратуры, около 40 % всех регистрируемых преступлений остаются не раскрытыми, а в некоторых регионах их значительно больше. Например, в Центральном федеральном округе нераскрытые преступления в 2012 году составляли 53,5 %, в 2013 году - 51 % от всех расследованных [7]. Попытки, использование незаконных средств для раскрытия преступлений и улучшения показателей работы - довольно распространённое явление в российской правоохранительной системе, о чём свидетельствуют факты, публикуемые в периодической печати [8]. Совсем недавно в Российской газете был опубликован вообще анекдотично-вопиющий случай. Молодой человек из Калмыкии, стремящийся стать сотрудником правоохранительных органов, окончив университет и отслужив в армии, пришёл устраиваться на работу, но получил отказ. Впоследствии узнал, что он судим, провёл в колонии несколько лет за разбой. Вспомнив, что когда то давал свой паспорт троюродному брату, стал избавляться от неприятной записи в своём послужном списке и избавляется, судя по тому, как его встречают в соответствующих органах, до сих пор [9].

Приведённые примеры отражают лишь малую и довольно очевидную часть практики нарушения законов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, с которой, хоть и с малым успехом, но всё же ведётся борьба. Но есть скрытые и потому более опасные

нарушения, которые таковыми на практике не только не признаются, но и успешно используются для раскрытия преступлений и осуждения лиц за довольно сомнительные преступления. Вот как звучит установочный фрагмент описательно-мотивировочной части обвинительного приговора в отношении лица, которое отбывает наказание в 9 лет лишения свободы. «Преступление-говорится в приговоре- Х. совершил при следующих обстоятельствах... В период времени, предшествующий 8 января 2010 года, более точное время следствием не установлено, в неустановленном следствием месте и при неустановленных обстоятельствах Х. вступил в преступный сговор с неустановленным лицом по имени Сулейман и иными неустановленными следствием лицами... Реализуя совместный преступный умысел, Х., действуя согласованно с неустановленным лицом по имени Сулейман и иными неустановленными следствием лицами, 8 января 2010 года, примерно в 18 часов 20 минут вышел из квартиры, расположенной по адресу (указывается адрес), ключи от которой он взял у неустановленного следствием лица, откуда проследовал на неустановленной автомашине марки ВАЗ 2114 тёмного цвета (более точный цвет следствием не установлен) под управлением неустановленного лица к месту тайного захоронения наркотического средства». Взяв полимерный пакет, Х. перенёс его в автомобиль, проследовал в квартиру № 1, расположенную по адресу (указан адрес), где был задержан «в ходе оперативно-розыскных мероприятий «Обследование помещения» [10]. Каково? Проследовал туда, где его ждали оперативные работники.

Модель формулирования обвинения и его обоснования, в том числе в обвинительных приговорах, посредством использования формулировок: «у неустановленного лица», или в группе «с неустановленным лицом», «в неустановленном месте, «в неустановленное время» стала проходной, особенно по дела о незаконном обороте наркотических веществ и психотропных средств. Остаётся дожидаться шедевра этого порядка: «при неустановленной виновности признать виновным».

Откуда, кем изобретён этот инструмент и на каком основании? Разве нет ст. 73 УПК РФ и не было ст. 70 УПК РСФСР? Не было теории главного факта и её автора - М.С. Строговича? Трудно назвать время этого изобретения и понять логику его автора. А ведь она (эта логика), с точки зрения указанных выше прежних и ныне действующих норм, проста: по уголовному делу в первую очередь должно быть установлено событие преступления и в целом объективная сторона, которая включает: время, место, способ (как, каким образом, единолично или в группе, если в группе, банде, то каков её состав и т.д.) и другие обстоятельства совершения преступления. А ныне спокойно вменяется в вину создание банды, в которую входили неустановленные лица. Мне пришлось участвовать в одном из таких дел. Самое интересное, что человека, который как неустановленное лицо фигурировал в качестве члена банды при осуждении главаря банды, позже осудили по ст. 161 УК РФ.

Неустановление обстоятельств, характеризующих событие преступления, означает его отсутствие и является основанием для прекращения уголовного дела, а при проведении доследственной проверки-основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Это аксиома. Но только не для сегодняшних правоприменителей.

А между тем указанная практика является, ко всему прочему, не конституционной, потому что ограничивает конституционное право обвиняемого на защиту вследствие лишения его возможности знать все обстоятельства совершения инкриминируемого ему преступного деяния и принимать необходимые меры к их опровержению. Не соответствует она и требованиям ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство, и требующей, чтобы каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления был незамедлительно и подробно уведомлён о характере и основаниях предъявленного ему обвинения. Защита от обвинения в указанных выше условиях не может быть признана эффективной, а право на справедливое судебное разбирательство – обеспеченным. Использование псевдосубъекта преступного поведения и псевдообстоятельств, характеризующих содержание предъявленного обвинения, под условным наименованием «неустановленное лицо», «в неустановленном месте», «в неустановленное время», «неустановленным способом» и т.д. это игра в прятки без соблюдения правил, схожая с напёрстничеством своей беспроницаемостью. Но разве это допустимо в сфере уголовного судопроизводства?

В связи с изложенным возникают раздумья об истоках анализируемого и других весьма сомнительных, с точки зрения эффективности защиты и обеспечения прав личности, аспектах правоприменительной деятельности. Таких, как увлечение особым порядком судебного рассмотрения уголовных дел и проявляемой радости по поводу того, что такие дела уже составляют около 65 %. При этом обозначенные дела исключаются из общего количества уголовных дел при определении процента вынесенных оправдательных приговоров, который в этом случае вырастает, по разным данным, от 6 до 12 %. А объяснению этому феномену простое – зачем их учитывать, если подсудимый сам себя приговорил, признав себя виновным. И не хотят приверженцы указанного подхода думать о том, сколько таких приговорённых согласились на использование особого порядка в виду недоверия российскому правосудию с целью как можно скорее закончить уголовно-процессуальные страдания и получить причитающееся в этом случае снисхождение суда. О том, что при этом приобретает неизгладимый по российскому менталитету, а отчасти, и законодательству, признак судимости, люди вспоминают потом. Существенным недостатком в рассматриваемом плане страдает и особый порядок, обусловленный заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, который лишает заинтересованных лиц, чьи права при этом заведомо ставятся под угрозу, обжаловать вынесенный в этом случае обвинительный приговор по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела. Тут вообще процессуальная казуистика. Соглашателя судят первым. Приговором, вынесенным в отношении него, предопределяются все фактические обстоятельства совершения преступления, которые лягут в основу будущего приговора соучастников этого преступления, поскольку он в этой части, в соответствии со ст. 90 УПК РФ, приобретает преюдициальное значение. Но обжаловать данный приговор указанные лица не могут.

Думаю, что в основе многих, если не всех, указанных выше и других уголовно-процессуальных искажений,

лежит, прежде всего, сформировавшийся в последние годы упрощённый и, если хотите, в определённой мере выхолащенный подход к пониманию сущности уголовного судопроизводства и уголовного правосудия, разбалансировавший представления о должном соотношении содержания и формы указанных правовых явлений. На протяжении последних 15 лет наша наука и законодательство мечутся в поиске пути, пролегающего между этими Сциллой и Харибдой. УПК РФ в первоначальной редакции гипертрофировал значение отдельных аспектов процессуальной формы и состязательности; официально отказался от принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, но сохранил при этом необходимость и возможность не только использования указанных терминологических символов, но и отдельных требований, заложенных в некоторых из них. В течение 7-10 лет применения УПК произошло существенное изменение понимания роли и значения состязательности в уголовном процессе, утратил остроту и практическую значимость институт допустимости, а точнее недопустимости доказательств. И наоборот, правда не без воздействия Конституционного суда РФ, стали осознаваться истинное назначение и значимость требований всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. Практически узаконена возможность возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, в том числе по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого. Теперь на кону возвращение института объективной истины и возложение на суд обязанности восполнять недостатки предварительного расследования. Им, органам предварительного расследования, мало возвращения института дополнительного расследования, требуется, чтобы суд работал на них и непосредственным образом. А что дальше – никто не знает, потому что никакой концепции или хотя бы программы развития, совершенствования уголовно-процессуального законодательства нет. Говорят, нужен новый УПК. Конечно, нужен. Но можно представить кем и как он будет готовиться и каким может быть на выходе?

Я иногда не могу отделаться от мысли, что нынешняя практика и нынешнее законодательство, широко декларируя заботу о личности, на самом деле развиваются (если развиваются), лучше, видимо, сказать, выстраиваются под углом зрения создания более удобных условий для осуществления правоохранительной и судебной деятельности чиновниками этих ведомств. Два примера. Чего стоит только удаление из УПК РФ (ст. 412.2) возможности для заинтересованных лиц, прежде всего осуждённого, бессрочного обжалования приговора по мотивам незаконного осуждения, необоснованного вменения в вину состава тяжкого преступления, жёсткости назначенного наказания. Теперь ошибочно осуждённый человек (если нет новых или вновь открывшихся обстоятельств), обречён. Нет срока, кончился срок – нет проблемы и забот у надзорной инстанции, а главное у её сотрудников. Или нормативно-правовое препятствие, установленное п.2 ч.2 ст. 401.3 УПК РФ, слава богу, отменённое законом РФ от 28.12.2013 года и постфактум признанное Конституционным судом не соответствующим Конституции РФ, которое по существу перекрывало возможность кассационного обжалования приговоров районных, городских судов в Верховный суд.

Чтобы не заканчивать свой доклад на грустной ноте и не дать слушателям и читателям возможности отнести меня к законченным пессимистам, хочу обратить внимание на следующее.

1. При оценке нынешнего состояния с правами человека и их обеспечением в уголовном судопроизводстве нельзя не учитывать того, что обострение обсуждаемых проблем зачастую носит субъективно-объективный характер. Справедливости ради надо отметить, что совсем недавно мы просто не доходили до многих вещей и не углублялись так далеко в них как сейчас. Ну кто, например, мог позволить себе говорить об УДО как праве осуждённого. Всегда считалось, что это подарок господина начальника. Совсем недавно об апелляции мы говорили как о чём-то несбыточном. А она вдруг появилась, правда не в том виде, в котором хотелось, но это уже другой вопрос.

2. Идея приоритета прав личности, их должного обеспечения, в том числе в уголовном судопроизводстве, возникает и укореняется в умах передовых слоёв общества и лишь затем переходит в плоскость права. Процесс её превращения в законодательно оформленную доктрину, а тем более в реально действующую субстанцию носит не прямолинейный, а спиралеобразный характер. На каком то этапе, какие то аспекты и элементы этой доктрины то покоряют людей своей значимостью и актуальностью, то теряют эту значимость, приобретая вновь прежнее величие через определённое время. И хотя пока данная доктрина не получила у нас последовательного воплощения ни в законе, ни тем более в правоприменительной деятельности, это совсем не значит, что она бесперспективна. Для её реализации нужна почва. Надо, чтобы инициаторы законов, люди, которые их обсуждают, принимают и подписывают, исходили из простого понимания того, что и им придётся жить по этим законам. Эта мысль хорошо выражена в одном из

кинофильмов, где покойная актриса Любовь Полещук говорит Вячеславу Тихонову, играющему роль бывшего заместителя Председателя правительства СССР, о том, что в гостинице гости могут находиться только до 23 часов и напоминает ему, что он сам принимал соответствующее постановление. Бывший чиновник отвечает ей, что никогда не думал, что это коснётся его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Волеводз. Половина госбюджета России ежегодно – цена возможной очередной реформы уголовного процесса. Пора бы остановиться. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667528> (дата обращения 27.02.2014).
2. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения 02.02.2014).
3. Демократические основы советского социалистического правосудия. / Под ред. М.С. Строговича. М. 1965; Конституционные основы правосудия в СССР. М. 1981; Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М. 1971 и др.
4. Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. М. 1973; Потеружа И.И., Савицкий В.М. Потерпевший в советском уголовном процессе. М. 1963 и др.
5. Новости недели // Общественно-политическое издание «ВЕРСИЯ», 2014. 14 февраля. № 5 (255).
6. Слово прокурора // Росс. газ. 2014. 30 апреля. № 98 (6370).
7. Мало коррупции // Росс. газ. 2014. 31 марта. № 72 (6344).
8. Только смерть остановит // Указ выше газ. «ВЕРСИЯ», 2014. 14 февраля. № 5 (255); Шил дела // Росс. газ. 2014. 24 апреля. № 93 (6365) и др.
9. Росс. газета. 2013. 22 ноября. № 264 (6240).
10. Архив Ступинского городского суда Московской области за 2012 год. Уголовное дело № 1-161/10.

ENSURING THE RIGHT PERSON IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE: PAST, PRESENT AND THOUGHTS

© 2014

Kornukov V.M., Doctor of Law, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article highlights the issues of the rights of individuals in criminal justice from the perspective of its historical development. Particular attention is paid to the state of the current criminal procedural law and its practical application. There have been both positive and negative aspects of these areas of government activity, expressed considerations aimed at their improvement.

Keywords: provision of individual rights; criminal proceedings; purpose of criminal procedure, the development of procedural law; enforcement practice.